

42

2
13-X

Дружба народов

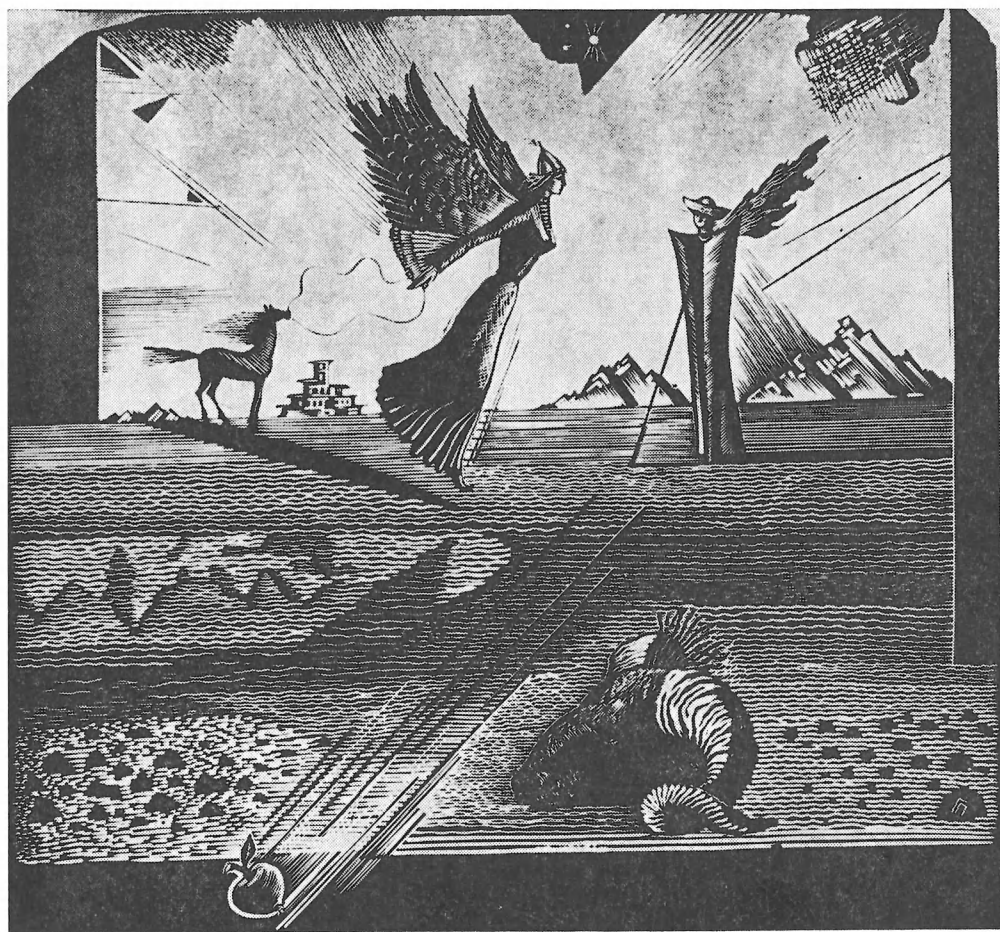


ежемесячный
литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал

орган
Союза
писателей
СССР

802-88

1356-8 (N3)



Г. ПАШТОВ.

Фантазия на кабардинские темы. Ксилография.

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ СССР**

Основан в 1939 году

Издательство

«Известия

**Советов народных
депутатов СССР»**

Москва

Адрес редакции:
121827 ГСП
Москва, Г-69,
ул. Зоровского, 52.
Телефоны:
главный редактор
и первый заместитель
главного редактора —
291-62-27,
заместитель
главного редактора
и зав. редакцией —
291-62-49,
ответственный секретарь —
202-52-03,
отдел прозы — 291-63-63,
отдел поэзии — 291-85-10,
отдел публицистики —
291-63-54,
отдел критики
и библиографии — 291-05-09,
отдел художественного
перевода
и отдел культуры
и искусства,
редактор приложений —
291-64-50

Сдано в набор 07.12.87 г.
Подписано в печать
14.01.88 г.
А 02918
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Бумага тип. № 2.
Гарнитура «Балтика».
Печать высокая.
Объем 17 п. л.
+0,25 цв. вкладка.
Усл. печ. л. 23,8.
Усл. кр.-отт. 26,25.
Уч.-изд. л. 26,98.
Тираж 800 000 экз.
(1 й завод 1 — 300 000 экз.).
Зак. 4340.
Цена 1 р. 10 коп.

Издательство
«Известия Советов
народных депутатов СССР»
103798, ГСП, Москва, К-6.
Пушкинская пл., 5.
Ордена
Трудового Красного
Знамени
типография «Известий
Советов народных
депутатов СССР»
имени
И. И. Скворцова-Степанова.
Москва, Пушкинская пл., 5.

Дружба 3'88 народов

Редакционная коллегия

Главный редактор

Сергей
БАРУЗДИН

Первый заместитель
главного редактора

Леонид
ТЕРАКОПЯН

Акрам
АЙЛИСЛИ
Ануар
АЛИМЖАНОВ

Лев
АННИНСКИЙ

Альгимантас
БУЧИС

Василь
БЫКОВ

Игорь
ЗАХОРОШКО

Наталья
ИВАНОВА

Анатолий
ИВАЩЕНКО

Наталья
ИГРУНОВА

Юрий
КАЛЕЩУК

Николай
КАРЦОВ

Алим
КЕШОКОВ

Юрий
КИРШИН

Григорий
КОРАБЕЛЬНИКОВ

Георгий
ЛОМИДЗЕ

Елена
МОВЧАН

Рафаэль
МУСТАФИН

Леонид
НОВИЧЕНКО

Александр
ОВЧАРЕНКО

Борис
ПАНКИН

Вардгес
ПЕТРОСЯН

Тимур
ПУЛАТОВ

Александр
РУДЕНКО-ДЕСНЯК

Юрий
СУРОВЦЕВ

Бронислав
ХОЛОПОВ

Константин
ЩЕРБАКОВ

Ответственный секретарь

Зам. главного редактора

Художественный редактор

Николай
ПШЕНЕЦКИЙ

Технический редактор

Анна
СЕЛИВЕРСТОВА

правился в совхозную контору — надо было оформить кое-какие бумаги: дом совхоз у него выкупал, принимая на свой баланс. Это решение сразу как-то всех успокоило, сразу все стихло, остановилось, как паровоз, выпустивший пар, сразу очевидным стало, что во всей этой истории ничего-то и не было... Сватов вернулся в Уть попрощаться.

Долго сидел у родника на берегу Ути в аляповато раскрашенной, оставшейся от Кукевича несуразной беседке. Задумчиво глядя в ту сторону, где сквозь голые ветки свободно просматривался теперь уже бывший его дом как вершина не состоявшегося преодоления, Виктор Аркадьевич подводил итоги.

Ничего у него не получилось, ничего не вышло из задуманного, вышла для всех беда.

Дом передан совхозу...

Акуловича с работы сняли...

Председатель колхоза Петрович всю зиму болел и сейчас лежал в больнице, газеты читая от первой по последней строки и мучительно терзаясь утраченной возможностью по-новому колхозное дело развернуть при свежем апрельском ветре. Уж ветер он всегда умел точно использовать...

Дубровин докторскую не защитил, отчего грустный был и свирельку окончательно забросил...

Петя Кукушкин потихоньку из следствия выбирался, правда, ничего особенного ему и не грозило — «актив покупательский» не даст пропасть. Скорее всего, до суда дело не дойдет и придется Пете просто сменить работу. А квартиру так он с радостью даже вернет при таких соседях...

Кукевич... Сразу почти после смерти Петра Васильевича все проверки по его главку предписанием прокурора республики были прекращены как беспочвенные...

Федька... Федор Архипович, как Сватов только что узнал, несколько дней назад в Ути объявился. Привез директору совхоза Птицыну заявление (на нем положительная резолюция бывшего заместителя Кукевича, а теперь его преемника) с просьбой принять его, Федора Архиповича, на должность начальника сельского коммунхоза. Желая, мол, назад вернуться, прошу не отказать с учетом привязанности к родным местам, где с детства вырос. Тем более и дом подходящий для его жизни здесь есть...

А что?

Старики отнеслись к появлению Федьки в Ути спокойно, им-то не привыкать... Надо сказать, что и вообще все описанные здесь страсти Анны Васильевны и Константина Павловича как бы не коснулись. Жизнь продолжалась, как она и продолжается, когда выключен телевизор.

Письмо « исторического оптимиста »



ОТ РЕДАКЦИИ

Это не литературный прием и не журналистский ход — мы действительно решили опубликовать (с любезного разрешения автора, разумеется) копию письма, пролежавшего в его архиве более двадцати лет. Оригинал, как водится, был в свое время отправлен адресату, но по причинам, которые теперь уже трудно установить, ответа, к сожалению, не последовало...

Автор письма — старейшина корпуса наших журналистов-международников, коммунист с 1920 года, лауреат премии имени В. В. Воровского Семен Николаевич Ростовский, которого читатели знают по псевдониму Эрнст Генри.

Адресат — выдающийся советский писатель, публицист и общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и Государственных премий СССР Илья Григорьевич Эренбург (1891—1967).

Письмо это носит личный характер. Однако, имея в виду большой общественный интерес, который вызывают факты, приведенные в нем, выводы, сделанные автором, а также то обстоятельство, что сам факт существования этого письма был предан гласности в недавно опубликованных новых главах мемуаров И. Г. Эренбурга, нам представляется вполне корректной и публикация текста самого письма.

Книга воспоминаний И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», напечатанная первоначально в журнале «Новый мир», который в начале шестидесятых годов редактировал А. Т. Твардовский, сразу стала событием не только литературной, но и общественной жизни. Тому было достаточно оснований: широта охвата событий и по времени и по общественно-политическому их резонансу, портреты и характеристики множества

интереснейших людей, с которыми довелось общаться и дружить автору, открытый, а подчас и нелицеприятный характер суждений о сложнейших явлениях общественной жизни, современником и участником которых он был, небанальность оценок — все это не могло не привлечь внимания читающей публики, поставив произведения И. Эренбурга в ряд лучших произведений советской мемуаристики. И еще одно важнейшее обстоятельство: в особую заслугу И. Эренбургу следует поставить то, что именно он первым нарушил многолетний заговор молчания вокруг имен многих выдающихся деятелей литературы и искусства, политиков и дипломатов, государственных и общественных деятелей, чья жизнь и деятельность была трагически оборвана в годы культа личности Сталина. При всем многообразии проблематики, затронутой автором, множестве исторических лиц, в полном смысле слова оживших на страницах его мемуаров (главы, посвященные И. Бабелю и В. Мейерхольду — яркое тому доказательство), было в них нечто, ставшее предметом горячих споров, дискуссий и размышлений, ибо это было то, о чем думали и говорили в советском обществе конца пятидесятых — начала шестидесятых годов практически все: личность И. В. Сталина и его роль в нашей истории. Как известно состоявшийся в 1956 году XX съезд КПСС осудил явление, получившее название «культ личности Сталина». В постановлении съезда «О культе личности и его последствиях» Центральному Комитету КПСС было поручено «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его

последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанных великим Лениным». На закрытом заседании съезда с докладом, в котором прямо говорилось о тяжелых ошибках и преступлениях И. В. Сталина в период его пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, выступил тогдашний первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. Оценка И. Г. Эренбургом личности И. В. Сталина не была однозначной, да и не могла быть таковой — слишком противоречива была, с его точки зрения, фигура этого человека, три десятилетия стоявшего во главе партии и государства. Однако даже эта неоднозначность, в которой к тому же превалировало явно негативное отношение, многим показалась недостаточной. Среди оппонентов И. Г. Эренбурга был и Эрнст Генри. Искушенный читатель обратит конечно, внимание на известную односторонность

суждений автора, в полемике, впрочем, может быть, и извинительную, но тем не менее не дающую возможности в полной мере оценить общую тенденцию развития советского общества как поступательного движения на пути к социализму — в тридцатые годы был успешно выдержан курс на индустриализацию страны, многое сделано для укрепления ее обороноспособности, несомненны были огромные достижения советского народа в области культурного строительства. Однако эта односторонность, как нам кажется, не умаляет значения письма как исторического документа — а именно так, на наш взгляд, к нему следует относиться. В значительной степени отражая умонастроения советской интеллигенции шестидесятых годов, этот документ дает современному читателю представление о том, как глубоко переживали советские люди те негативные явления в истории нашей страны, которые так или иначе были связаны с именем И. В. Сталина. По соглашению с автором в тексте письма сделаны некоторые сокращения.

Илья Григорьевич!

Я принадлежу к тем, кто считает Вас одним из самых передовых писателей нашей страны. Как и другие, я особенно ценю Вас за то, что в трудные времена Вы стремились не гнуть спину и часто, когда другие молчали или лгали, вслух говорили правду.

Этим Вы завоевали себе место, которое у нас делают с Вами немногие, и этим прежде всего помянет Вас будущее. Каждый настоящий писатель или крупный публицист создает себе нерукотворный памятник, и Ваш построен на том, чтобы до конца не поддаваться неправде, даже в какой-то ее части. Я всегда думал, что Вы чувствуете это лучше многих других.

Тем более странно и непонятно было для меня прочесть некоторые Ваши высказывания о Сталине в заключительной главе Ваших воспоминаний в 4-м номере «Нового мира»¹.

Вы откровенно пишете, что не любили и боялись Сталина, хотя и добавляете, что «долго в него верили». Вы не скрываете, не умаляете его «несправедливых, злых дел», его варварства, отмечаете, что при нем «мы не могли жить в ладу со своей совестью». Сказать это с Вашей стороны естественно: Вы говорите правду, и иного никто от Вас не ждал. Но в то же время, когда Вы теперь подводите итоги пережитому, в Ваших словах звучит нечто для меня неожиданное. Почти повсюду и, по-видимому, не случайно Вы переплетаете с мыслью о злых делах Сталина другую мысль: об его величии. Я перечитывал такие места, и мне стало ясно, что Вы делаете это сознательно. Зачем, Илья Григорьевич?

«Я хочу еще раз сказать молодым читателям моей книги,— пишете Вы,— что нельзя перечеркнуть четверть века нашей истории. При Сталине наш народ превратил отсталую Россию в мощное современное государство... разбил армии Гитлера, победившие всю Европу... стал по праву героем XX века.. Но как бы мы ни радовались нашим успехам, как бы ни восхищались душевной силой, одаренностью народа, как бы ни ценили ум и волю Сталина, мы не могли жить в ладу со своей совестью и тщетно пытались о многом не думать».

¹ Автор письма имеет в виду журнал «Новый мир», где печатались в то время мемуары И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» (здесь и далее — примечания Эд. Белтова).

Вот это сплетение «зла и добра» в отношении Сталина и бросается в глаза. Оно повторяется несколько раз.

Выходит, что героизм советского народа как бы неотделим от несовместных с совестью дел Сталина. Не он ли своим злым, но «государственным умом, своей редкостной волей» и побудил народ на героизм? И Вы подчеркиваете эту уже возникшую в уме читателей мысль, говоря «...я понимал, что Сталин по своей природе, по облюбованным им методам напоминает блистательных политиков эпохи итальянского Возрождения».

У Вас прямого вывода нет, но у многих он будет. Без Борджиа¹ не было бы итальянского Возрождения, без Сталина не было бы превращения отсталой России в великое и героическое государство. Одно неотделимо от другого.

Это политически оправдательный приговор Сталину. И то, что выносите его Вы, Эрэнбург, трудно понять. Не Вам бы это делать, Илья Григорьевич.

Я знаю: Вы не политик и не историк, Вы художник. Вы говорите, как чувствуете, сказали Вы на одном собрании в ЦДА². Но ведь Вы очень много думаете о политике, о современности; сила Ваша как писателя именно в этом. Из художников слова Вы один из наиболее знающих, опытных и образованных. Вам известно очень многое о том, что было — было в действительности. Идти против совести Вы не хотите. Как же можете Вы, именно Вы оправдывать Сталина, превращая его в некоего советского Борджиа или Макиавелли³?

Хотелось бы, чтобы Вы меня поняли правильно. Дело не в метафизическом споре о том, может ли «зло» быть прогрессивным фактором в истории. Нет, я имею в виду совсем другое.

Беру на себя смелость сказать, что Ваша оценка роли и ума Сталина именно как государственного деятеля, а не как моральной единицы, совершенно расходится с исторической действительностью, с фактами.

Не стану говорить о многом, что известно всем, а Вам, в частности, лучше, чем мне. Тысячи книг будут написаны об этом и изданы у нас же, еще в нашем веке, может быть, даже скорее, скорее, чем думают. Я уверен в этом не только потому, что я оптимист, но и потому, что знаю по истории, как быстро и резко она — не всегда, но часто — восстанавливает истину и стирает ложь. Но пусть об этой, внутрисоветской стороне сталинских государственных дел напишут другие. Я коснусь только одного, того, что знакомо мне больше всего — «ума и воли» Сталина в области международных и связанных с этим дел, того, какую роль сыграл он политически в судьбе нашей страны за ту четверть века, о которой Вы говорите...

Вы, помните, Илья Григорьевич — все мы из старшего поколения не можем забыть об этом, — как за несколько лет до войны с самым страшным врагом, который когда-либо противостоял России, было внезапно уничтожено или выведено из строя почти все основное ядро высшего командного состава Красной Армии. По данным генерала Тодорского⁴, было репрессировано:

из 5 Маршалов Советского Союза	3
из 2 армейских комиссаров 1 ранга ⁵	2
из 4 командармов 1 ранга	2
из 12 командармов 2 ранга	12
из 2 флагманов флота 1 ранга	2
из 15 армейских комиссаров 2 ранга	15
из 67 комкоров	60

¹ Борджиа (Борджиа) — римский папа Александр VI и его сын Чезаре, жившие в конце XV — начале XVI веков. Стремясь к объединению Италии под своей властью, широко применяли подкуп, предательство, убийства.

² ЦДЛ — Центральный дом литераторов в Москве.

³ Макиавелли (1469—1527) — итальянский политический мыслитель. Ради упорочения государства считал вполне допустимыми любые средства.

⁴ Тодорский Александр Иванович (1894—1965) — советский военный деятель, активный участник гражданской войны. Автор книги «Год с винтовкой и плугом», получившей высокую оценку В. И. Ленина. До 1938 года — комкор, начальник Управления высших военно-учебных заведений РККА, с 1955 года — генерал-лейтенант в отставке. С 1938 по 1953 годы находился в заключении по ложному обвинению в принадлежности к «военно-фашистской группе Тухачевского».

⁵ Здесь и далее упоминаются воинские звания высшего командного состава Красной Армии, существовавшие в 1935—1940 годах и примерно соответствующие нынешним генеральским: (по нисходящей) — командарм 1-го и 2-го ранга, комкор, комдив, комбриг; для политработников — армейский комиссар 1-го и 2-го рангов, корпусной комиссар, дивизионный комиссар, бригадный комиссар; звания флагман флота 1-го и 2-го ранга и флагман 1-го и 2-го ранга были высшими в Военно-Морских Силах РККА.

из 28 корпусных комиссаров	25
из 199 комдивов	136
из 397 комбригов	221
из 36 бригадных комиссаров	34

Это неполные данные¹. Общее число репрессированных командиров Красной Армии не поддается учету². Если сосчитать только самый высший комсостав, от маршалов до армейских комиссаров второго ранга включительно, то окажется, что из 46 человек было выведено из строя 42³. Если сосчитать всех и вывести среднюю цифру, то из каждых трех человек высшего командного состава Красной Армии жертвами стали двое.

Никакое поражение никогда не ведет к таким чудовищным потерям командного состава. Только полная капитуляция страны после проигранной войны может иметь следствием такой разгром. Как раз накануне решающей схватки с вермахтом, накануне величайшей из войн Красная Армия была обезглавлена. Это сделал Сталин. Ум или воля?

...Разрешите еще один взгляд на сцену событий в 30-х годах, но теперь совсем с другого фланга.

Накануне войны Сталин резко ослабил силу Красной Армии, разгромив ее командный состав и испортив ее стратегические позиции. Укрепил ли он ее положение, по крайней мере, в тылу вермахта — в политическом отношении? Нет, он испортил ее позиции и тут, и об этом Вы тоже должны знать лучше многих других, Илья Григорьевич.

Гитлер пришел к власти и удержался у власти, потому что германский рабочий класс был расколот надвое. Раскололи его реформисты. Это тоже известно, но это правда. Другая половина правды заключается в том, что расколоть рабочий класс Германии и на всем Западе Европы помог реформистам сам Сталин.

Я полагаю, Вы угадываете, что я имею в виду: знаменитую сталинскую теорию о «социал-фашизме»⁴. Кое-что в этой связи, мне кажется, Вы наблюдали во Франции и в Испании.

Сталин публично назвал социал-демократов «умеренным крылом фашизма». Еще в январе 1924 года он заявил: «Нужна не коалиция с социал-демократией, а смертельный бой с ней, как с опорой нынешней фашистской власти». Вы, может быть, забыли эти слова; Ваша область искусство. Я не забыл, и не забыли миллионы старых коммунистов и социал-демократов на Западе. Но не Вам, Илья Григорьевич, не знать и не помнить, что происходило среди рабочих на Западе в 30-х годах.

Слова Сталина были таким же приказом Коминтерну⁵, как его указания Красной Армии или НКВД. Они разделили рабочих друг от друга как бы баррикадой. Помните? Старые социал-демократические рабочие повсюду были не только оскорблены до глубины души, они были разъярены. Этого коммунистам они не простили. А коммунисты, стиснув зубы, выполняли приказ «о смертном бое». Приказ есть приказ, партийная дис-

¹ Данные А. И. Тодорского, но в несколько иной редакции были приведены в статье В. Поликарпова, опубликованной в № 26 «Огонька» за 1987 год. Оба варианта, вне всякого сомнения, нуждаются в серьезных комментариях; мы же за недостатком места ограничимся лишь несколькими общими замечаниями: а) данные Тодорского относятся, вероятно, лишь к 1937-38 годам, поскольку к середине 1939 года было уже репрессировано пять командармов 1-го ранга: И. Э. Якир, И. П. Уборевич, И. П. Белов, И. Ф. Федько, а также М. П. Фриновский, бывший заместителем наркома внутренних дел, а затем до своего исчезновения весной 1939 года — наркомом Военно-Морского Флота СССР; б) нельзя не учитывать того, что в 1940-41 годах была освобождена из заключения часть репрессированных в предыдущие годы лиц комсостава РККА (К. К. Коссовский, К. А. Мерещков, А. В. Горбатов, Л. Г. Петровский и другие); в) неясно, включены ли в эти данные лица комсостава пограничных и внутренних войск НКВД СССР, носившие общевойсковые (в отличие от комсостава Главного управления госбезопасности НКВД СССР) звания.

² Точной цифры погибших (или репрессированных, а затем реабилитированных (не по смертно) лиц высшего командного и начальствующего состава РККА в нашей исторической литературе до сих пор опубликовано не было, говорилось лишь о десятиках тысяч арестованных перед войной командиров и политработников Красной Армии (см. статью генерала армии А. А. Епишева в «Военно-историческом журнале» № 1 за 1963 год).

³ В тексте письма, переданном Эрнстом Генри в редакцию, явное несоответствие в подсчетах. Так, не учтены репрессированные флагманы флота 2-го ранга (командующий Черноморским флотом И. К. Кожанов и первый зам. наркома ВМФ П. И. Смирнов-Светловский), а также флагманы 1-го ранга Э. С. Панцержанский, К. И. Душенов, Г. П. Киреев, И. М. Лудри и другие.

⁴ См., например: Сталин И. В. Собр. соч. Т. 6. стр. 282: «Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма».

⁵ Коминтерн (Коммунистический Интернационал) — в 1919 — 1943 годах международная пролетарская революционная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран.

циплина — дисциплина. Везде, как будто спятив с ума, социал-демократы и коммунисты неистовствовали друг против друга на глазах у фашистов. Я хорошо это помню. Я жил в те годы в Германии и никогда не забуду, как сжимали кулаки старые товарищи, видя, как дело идет прахом, как радуются социал-демократические лидеры, как теория социал-фашизма месяц за месяцем, неделя за неделей прокладывает дорогу Гитлеру. Сжимая кулаки, подчиняясь «уму и воле», шли навстречу смерти, уже поджидавшей их в эсэсовских застенках. Отказался Сталин от теории социал-фашизма только в 1935 году, но было уже поздно — Гитлер смеялся и над коммунистами и над социал-демократами.

Когда же в 1939 году Сталин заключил пакт с Гитлером и приказал компартиям в мире тут же, моментально прекратить антифашистскую пропаганду и выступить за мирное соглашение с Гитлером, стало совсем скверно. Я не хочу останавливаться на этом, Вы это помните. Сталин в то время уже не ограничивался разобщением социал-демократов и коммунистов, теперь он начал дискредитировать и разоружать самих коммунистов на Западе! Еще два-три года — и компартии Запады были бы разрушены.

Да, «редкостная воля» была в наличии и тут. Она стоила нам огромных потерь...

Укрепив свой тыл в Германии и во всей Западной Европе, со злорадством наблюдая, как антифашисты грызли друг другу глотки, Гитлер мог начать войну. И он ее начал. Его фронт и тыл были усилены политикой «советского Макиавелли». Вместо того чтобы накануне решающей исторической схватки объединять и собирать, Сталин разъединял, дробил, отпугивал. Никогда, ни при каких обстоятельствах, никому в мире Ленин не простил бы такой политики...

Говорить об этом нужно во что бы то ни стало. Если Вы неизвестно почему вплетаете свои нити в клубок легенды о злом, но великом, то возражать нужно и Вам.

Я хочу довести эту цепь свидетельских показаний истории с предвоенных годов до конца, до июня 1941 года. Показаний сотни. Упомяну только еще об одном, менее общеизвестном — о случае с Шуленбургом¹.

Вы, как и все мы, знаете, что Сталин до конца, до последней минуты слепо верил в слово Гитлера, данное в советско-германском пакте о ненападении. Вы пишете: «Сталин почему-то поверил в подпись Риббентропа» и, когда Германия напала, «сначала растерялся». Да, Гитлеру и Риббентропу он верил. Не поверил Зорге². Не поверил другим нашим разведчикам. Не поверил Черчиллю, предупреждавшему его через Майского³ и Криппса⁴. И не поверил еще более осведомленному информатору.

Известно ли Вам, Илья Григорьевич, что за несколько недель до войны германский посол в СССР граф Шуленбург обратился к находившемуся тогда в Москве советскому послу в Германии Деканозову⁵, другу Берии и доверенному человеку Сталина, и пригласил его к себе на обед для доверительной беседы? Беседа состоялась. Присутствовали четверо: Шуленбург, его ближайший сотрудник советник германского посольства Хильгер (который впоследствии и рассказал обо всем этом), Деканозов и переводчик Молотова и Сталина Павлов. В Берлине об этой встрече ничего не знали. Уже после войны Хильгер сообщил в своих воспоминаниях, что Шуленбург очень боялся пойти на этот «отчаянный шаг», считая, что дело может кончиться судом в Германии за государственную измену. Тем не менее он себя пересилил. Предчувствуя, что война на два фронта в конце концов приведет Германию к разгрому, опытный немецкий дипломат старой школы, консерватор и националист, но не фашист, решился на все.

Он и Хильгер «открыли глаза» Деканозову. Они предложили ему передать Сталину, что Гитлер уже в ближайшее время может ударить по СССР. Это, безусловно, была государственная измена, и какая: посол сообщает правительству, при котором аккредитован, что его страна вероломно нападет на их страну. Шуленбургу грозила за это смерть и несмыаемый позор.

¹ Шуленбург в предвоенные годы был послом Германии в СССР.

² Рассматривая вопрос о том, что сведения, которые передавал перед войной советский разведчик Р. Зорге, были сочтены дезинформацией, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что в 1937-38 годах были репрессированы руководители советской военной разведки, непосредственно руководившие засылкой Р. Зорге в Японию. Этого не мог не учитывать в своих докладах И. В. Сталину генерал Ф. И. Голиков, занимавший перед Великой Отечественной войной пост начальника Разведуправления РККА.

³ Майский И. М. (1884—1975) — в 1932—1943 годах посол СССР в Англии.

⁴ Криппс Ричард Стаффорд (1889—1952) — в 1940—1942 годах посол Англии в СССР.

⁵ Деканозов В. Г. как один из сообщников Л. Берии был расстрелян по приговору Специального Присутствия Верховного Суда СССР 23 декабря 1953 года.

Но как реагировали Деканозов и Сталин? «Наши усилия,— пишет Хильгер,— закончились полным провалом». Сталин не поверил Шуленбургу, как не поверил Зорге и Черчиллю. Он считал, что сообщение германского посла всего лишь хитрый ход со стороны самого Гитлера с целью вынудить Сталина пойти на новые уступки немцам.

«Чем дальше шло время и чем больше я наблюдал за поведением русских,— пишет Хильгер о последних неделях перед войной,— тем больше я убеждался, что Сталин не сознавал, как близко было угрожавшее ему германское нападение... По-видимому, он думал, что сможет вести переговоры с Гитлером об его требованиях, когда они будут предъявлены». Хильгер добавляет, что Сталин был готов к новым уступкам Германии.

Три года спустя Шуленбург был повешен на железном крюке в берлинской тюрьме Плетцензее за участие в заговоре генералов против Гитлера. Известно, что до этого он намеревался перебраться через фронт к нам, чтобы от имени заговорщиков договориться о прекращении войны. Гитлера и Сталина нет, Деканозов расстрелян, но Павлов жив. Если не хотите верить Хильгеру, спросите Павлова.

Сталин накануне войны совершенно запугался, никого не слушал, никому не верил, только себе. И в решающий момент оказался банкротом. Оттого, как Вы пишете, он и «растерялся вначале».

Выяснилось, что его рукой водил Гитлер. Несмотря на гигантский информационный и агентурный аппарат, который был в его распоряжении, аппарат, прекрасно сработавший в этот момент, несмотря на то, что его осведомителем оказался сам германский посол — неслыханный случай в дипломатической истории! — он был слеп, как крот. Почему? Ответ перед глазами: Сталин думал, что Гитлер ведет с ним игру, которая была привычна ему самому, в которой он всегда видел подлинное содержание всей политики — игру в обман и шантажирование другого. Он хотел сыграть с Гитлером, как до этого играл со своими противниками в большевистской партии. А Гитлер уже двигал танки к советской границе. Для фюрера теперь речь шла уже не о том, чтобы обманывать и шантажировать, а о том, чтобы бить и бить.

Илья Григорьевич, не бросается ли опять Вам в глаза удивительное сходство Сталина со злосчастными царскими политиками нашего далекого прошлого? Он был хитер, о да. Но он не был, как заметил Раскольников¹, даже по-настоящему образован.

Я не могу и не хочу поверить, что Вы испытываете почтение к хитрости, Илья Григорьевич. Хитры были и многие царские министры (умен был, пожалуй, лишь один прогнанный царем Витте²). Мало что дала их хитрость. Ведь как раз хитрость часто мешает быть умным. Человек, который видит вокруг себя только то, что в нем самом, только хитрость, очень часто слеп, каким и оказался Сталин накануне войны. Не Макиавелли и не Борджиа он был, а потерявший голову политик, хитрец, которого перехитрили, игрок, которого переиграли. У этого человека под руками был невиданный репрессивный аппарат, в его абсолютном подчинении — 170-миллионный героический народ, но Сталин неспособен был к настоящему глубокому политическому анализу, в этом отношении он был второго сорта, и в критический момент он провалился.

...Это письмо выходит длиннее, чем я думал, и больше исторических свидетельств я приводить не буду. Но хочу подвести итог.

Вот, на мой взгляд, итог государственной мудрости Сталина к концу 30-х годов (как сказано, я говорю только об его международной политике и о том, что имело к ней прямое отношение):

- 1) Разгром командного состава Красной Армии накануне войны.
- 2) Срыв антифашистского единства рабочего класса на Западе.
- 3) Предоставление шанса Гитлеру покончить с Францией, Англией, нейтрализовать Америку, прежде чем наброситься на Советский Союз.
- 4) Отказ от серьезного укрепления советской обороны на путях предстоящего наступления вермахта.
- 5) Дискредитация западных компартий приказом отказаться от антифашизма в 1939 году.
- 6) Предоставление Гитлеру возможности внезапного ошеломляющего нападения на СССР, несмотря на наличие ряда достовернейших предостережений.

¹ Раскольников Ф. Ф. (1892—1939) — член КПСС с 1910 года, активный участник Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Подробнее о нем см. «Огонек» № 26 за 1987 год.

² Витте С. Ю. (1849—1915) — граф, русский государственный деятель, дипломат.

Это только за четыре года — 1937—1941.

Одного из шести перечисленных пунктов было бы достаточно, чтобы совершивший подобный просчет политик, кто бы он ни был, где бы он ни жил, навсегда потерял свою репутацию и с позором был изгнан со сцены, как непригодный к делу. Я вспоминаю ведущих капиталистических политиков того времени, и по сравнимым масштабам политического провала мне приходит на ум только один — Чемберлен¹. И того Гитлер, который отнюдь не был каким-нибудь Бисмарком² и доказал это, бросив Германию в войну на два фронта, тоже обвел вокруг пальца. Но Чемберлен провалился не только потому, что был слеп, а прежде всего потому, что им руководила ослепляющая классовая ненависть к нам... У Сталина такого парадоксального «оправдания» нет. Но слова «государственный ум» в применении к нему в то же время звучат как издевательство.

Если же взять все шесть пунктов вместе, в сумме, в связи друг с другом, как это и было ведь в жизни, то найти аналогию такому просчету в нашу эпоху вообще трудно. Вряд ли в истории было много precedентов политического банкротства такого масштаба. Еще раз — спас Сталина народ.

Да, «перечеркнуть четверть века нашей истории» действительно нельзя, как Вы говорите. Но нельзя и не видеть того, что было за эту четверть века на деле. Мне кажется, Вы чувствуете, что в Вашей двойственной оценке Сталина что-то не ладится, что где-то она себя отрицает. Вероятно, потому, говоря о победах и подвигах Советской Армии в эту эпоху, Вы замечаете: «Может быть, правильнее не «благодаря Сталину», а «несмотря» (вопреки) на Сталина».

Да, вот с такой поправкой согласиться можно, несмотря на Сталина, «наш народ превратил отсталую Россию в мощное современное государство». Несмотря на Сталина, он «разбил армии Гитлера». Несмотря на Сталина, он «учился, читал, духовно вырос, совершил столько подвигов, что стал по праву героем XX века».

Миллионы согласятся с таким выводом. Но где же тогда положительная половина Вашей оценки Сталина, Илья Григорьевич? Где тогда его макиавеллиевское величие? Его «государственный ум»?

Не было государственного ума. Не было величия. Была довольно ограниченная хитрость и сила, опиравшаяся на самодержавную власть над огромными человеческими ресурсами. Была авантюристическая игра ва-банк, объяснявшаяся не преданностью идее коммунизма, а невероятным самомнением, сладострастной похотью к личной власти за счет идей...

Мне казалось, так смотрите на Сталина и на то, что было со всеми нами, и Вы. Я ошибался? Но тогда то, что Вы теперь пишете о Сталине, Вы пишете против себя.

Зачем Вам помогать в создании легенды о творившем добро злом советском Макиавелли? Вы говорите о требованиях совести: «Я стал бы говорить еще и о том, что требуется в интересах будущего коммунизма». Но если так, то надо разрушать, разоблачать ее, эту легенду. Надо сказать правду. Ведь Вы знаете, что спрятать ее не сумеет никто. Нельзя противопоставлять совести историю, она всегда мстит за это.

Я кончаю. Многие, очень многие в нашей стране и за рубежом Вам верят, Илья Григорьевич. Они были в душе с Вами, когда огонь направлялся на Вас, зная, что Вы говорите правду. Они продолжают быть с Вами. Мне кажется, что Ваша оценка Сталина — ошибка. Те из стариков, кто помнит, знает и еще думает, с Вами не согласятся. Молодые Вас не поймут. Кто-то перестанет верить. Не поймут иностранные коммунисты, которые всегда Вас ценили. Не поймут и те, кто будет жить после нас, будущее не со сталинщиной. А ведь главную рецензию о Вас напишут они.

Скажу еще раз — Вы пишете против себя. Я ни секунды не верю в то, что Вы делаете это ради каких-то так называемых тактических соображений. Вы слишком умны для этого и не можете не знать, что такая тактика всегда неизбежно бьет бумерангом по тому, кто ее применяет. Простите за резкость, если она есть в этом письме. Если бы я не ценил Вас, я бы не писал.

30 мая 1965 года. Эрнст Генри

¹ Имеется в виду Невилл Чемберлен (1869—1940), бывший премьер-министром Великобритании в 1937—1940 годах и подписавший в 1938 году Мюнхенское соглашение.

² Бисмарк, Отто фон Шенхаузен (1815—1898) — князь, первый рейхсканцлер германской империи в 1871—1890 годах. Будучи организатором Тройственного союза, направленного против Франции и России, считал, однако, что война с Россией была бы крайне опасной для Германии.

POST SCRIPTUM ДВАДЦАТЬ ТРИ ГОДА СПУСТЯ

Журналист-международник, лауреат премии имени В. Воровского ЭРНСТ ГЕНРИ отвечает на вопросы корреспондента «ДН» ЭДУАРДА БЕЛТОВА.

— Не скрою, Семен Николаевич, поначалу мне показался не вполне корректным сам факт публикации письма, оставшегося в свое время без ответа...

— Не могу сказать, что помешало глубоко уважаемому мною Илье Григорьевичу ответить мне. Могу только сожалеть по поводу того, что переписка не состоялась...

— ...и тем не менее, рассматривая это письмо как исторический документ, имеющий определенное общественное значение, хочу спросить вас: не изменилась ли ваша точка зрения — как-никак прошло двадцать с лишним лет — на личность Сталина и его роль в нашей истории?

— Прежде чем ответить на этот вопрос, я хотел бы предупредить возможные упреки в излишней, может быть, односторонности, о которой говорится в редакционном вступлении к тексту моего письма. Конечно же, невозможно говорить о фигуре Сталина, вырывая ее из общественно-политического контекста эпохи в целом. Говоря о наших достижениях в самых разных областях жизни — а в том, что они были реально в те годы, о которых идет речь, усомниться может только человек, сознательно закрывающий глаза на то, что выходит за рамки его представлений об историческом процессе, — говоря об этих достижениях, нельзя в известной мере не отнести их и к Сталину. «В известной мере» — значит, в той, какой он заслуживает. Не больше и не меньше. Другое дело, что в своем письме я на этой стороне вопроса не останавливался — и не потому вовсе, чтобы сгустить краски, а потому лишь, что это казалось мне само собой разумеющимся, да и предмет полемики, как видно из текста письма, был иным. Что же касается вашего вопроса — ни от единого слова в письме и сегодня, спустя двадцать с лишним лет, не отказываюсь. Скажу больше: размеры письма, и так получившегося достаточно длинным, не позволили мне сказать еще кое о чем, привести значительно больше фактов, подтверждающих мою точку зрения.

— Мне тоже показалось, что в тексте письма немного недостает конкретики, а ведь она в споре убеждает сильнее, чем общие рассуждения.

— Действительно, может быть, стоило подробнее сказать о том, во что конкретно вылилась попытка Сталина подорвать перед войной международное коммунистическое движение. Не секрет, что репрессии против видных коммунистов, представлявших западные компартии и по тем или иным причинам оказавшихся в тридцатые годы в СССР, начались еще до заключения пакта с Гитлером, то есть до 1939 года. Напомню, что уже в первой половине 1937 года были арестованы члены руководства германской компартии Х. Эберлейн, Г. Реммеле, Г. Нойман, Ф. Шульте, Г. Киппенбергер, руководители югославской компартии М. Горкич, М. Филиппович, а чуть позже и В. Чопич, вернувшийся из Испании, где он командовал 15-й интербригадой имени Линкольна. Тогда же был репрессирован выдающийся деятель международного коммунистического движения Бела Кун, целый ряд руководителей польской компартии — Э. Прухняк, Я. Пашин, Ю. Ленский, М. Кошутская и многие другие. Это, повторяю, было до 1939 года. Ну а после заключения пакта с Германией Сталин просто-напросто выдал Гитлеру множество антифашистов, бежавших в нашу страну после 1933 года. Нельзя не упомянуть также и о таинственном исчезновении в те же годы «шуйцбундовцев» — членов военизированной организации австрийских левых социал-демократов, в феврале 1934 года поднявших восстание против фашистов и реакционеров и после его поражения нашедших убежище в СССР. Видимо, Сталину очень не понравилось, что в Австрии возникал единый фронт коммунистов и социал-демократов. К сожалению, таких грустных фактов можно привести множество.

— Как известно, вождем германских коммунистов Эрнст Тельман к моменту заключения договора с Германией находился в тюрьме. Не мог ли стать факт заключения договора поводом для оказания давления на Гитлера с целью освобождения Тельмана?

— Очень может быть. Но Сталин этого не сделал, опасаясь, видимо, испортить отношения с Гитлером.

— Теперь вопрос, относящийся уже не к прошлому, а к настоящему и, как знать, во многом, может быть, и к будущему: правильно ли мы поступаем, через много лет возвращаясь к такой трагической странице нашей истории, какой были годы культа личности Сталина? Что до меня, то я считаю, что понятие гласности, о котором сегод-

ня так много говорят, должно трактоваться расширительно, то есть относиться не только к событиям сегодняшним, но и ко дню вчерашнему...

— Согласен с вами. Я прожил долгую жизнь, и практически вся история того, что впоследствии получило название «культ личности Сталина», прошла у меня перед глазами. Так вот, я анализирую события тех давних лет не для того, чтобы судить, а для того, чтобы попытаться объяснить, как могло случиться то, что случилось, объяснить поколению, которое идет следом за нами. Это очень важно, потому что, будучи вооружено знанием, будучи информировано до тонкостей, оно, надеюсь, не допустит повторений ошибок прошлого. Вы говорите о гласности, но ведь гласность без информированности — ничто! Приведу пример. Недавно умер В. М. Молотов, которого связывали со Сталиным долгие годы совместной работы, который верил Сталину беспредельно и остался верен до конца своих дней. Тридцать лет назад он подвергся суровой критике и тем не менее остался на позициях сталинизма. Он знал много, очень много, но так до конца своей жизни ничего и не сказал — ни народу, ни партии. Безусловно, Молотов был не чета авантюристам типа Ягоды¹, Ежова² или Берия³ — мне известны случаи, когда он спасал от расправы тех, над кем завис нож сталинской гильотины. Но мало кто знает, что этот нож висел и над ним самим! В 1953 году был арестован И. М. Майский, который, как вам известно, был во время войны послом в Великобритании, и трое сотрудников советского посольства в Лондоне, в том числе и ваш собеседник. Можно с большой долей уверенности сказать, что тогда готовился процесс против Молотова и что его и нас вместе с ним спасла только смерть Сталина...

— Как-то в разговоре вы назвали себя «историческим оптимистом дальнего прицела», и в этой связи я не могу удержаться, чтобы не сказать: вы современник очень трудного века, бывший свидетелем переломных моментов истории, и вообще ваш жизненный путь, насколько мне известно, не был усыпан розами. В чем же корень вашего «исторического оптимизма»?

— Может быть, в понимании факта, кажущегося мне непреложным: переход к новому, молодому обществу, обществу будущего неизбежно сопровождается драматическими, а порой и трагическими коллизиями. Остаться на высоте положения, не поступиться собственными принципами, жить не только повседневными заботами, но и заботами о предстоящем человечеству великом долгосрочном будущем — это и значит быть «историческим оптимистом». Старики, в особенности те, кто безвинно пострадал в свое время, могут спросить: зачем ворошить прошлое, берeditь не вполне зажившие раны? Не лучше ли предать все это забвению и, встряхнувшись, продолжать бодро двигаться дальше? Молодые, которые не знают многого из того, что было в прошлом, могут сказать: а зачем нам это знать? Я бы ответил на эти вопросы так: перестройка общественного сознания, которая сейчас происходит в нашей стране, может и должна зиждиться только на абсолютном доверии, на полной уверенности в существовании в самых глубоких слоях общества непреходящих ценностей духовного и идейного характера. А в том, что такие ценности существуют, я глубоко уверен, так же как уверен в том, что правда, как бы горька она ни была, может быть только положительным фактором как при анализе исторического процесса в целом, так и при изучении роли в истории любой отдельно взятой личности.

¹ Ягода Г. Г. (1891—1938) — Генеральный комиссар госбезопасности, нарком внутренних дел СССР в 1934—1936 годах.

² Ежов Н. И. (1895—1939?) — Генеральный комиссар госбезопасности, нарком внутренних дел СССР в 1936—1938 годах.

³ Берия Л. П. (1899—1953) — в 1938—1953 годах Генеральный комиссар госбезопасности, нарком внутренних дел СССР, затем первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Иордан Милев (Болгария), Иржи Бечка (Чехословакия), Манфред Лоренц (ГДР).

Председательствующий вручил «Рабочую премию» 1986 года Юрию Мушкетнику за роман «Рубеж», опубликованный в «Дружбе народов». Как известно, этот роман был удостоен Государственной премии СССР за 1987 год.

Затем состоялось подробное заинтересованное обсуждение романа «Рубеж».

Юрий Мушкетик поблагодарил за высокую оценку своей работы, ответил на многочисленные вопросы слушателей.

Сергей Баруздин зачитал письмо лауреата «Рабочей премии» 1985 года Сергея Залыгина.

Вот текст этого письма:

«Дорогие товарищи, читатели библиотеки Нурена!

Я очень долго собирался приехать к вам, а когда собрался, вдруг выяснилось, что я должен быть не совсем в Нурке, точнее — в Вашингтоне.

Такие в нашей жизни случаются недоразумения!

Но мне и заочно хочется поблагодарить вас за многое.

За ваше внимание к моему творчеству и

за премию, которую вы присудили роману «После бури».

О премиях этому роману говорили не вы одни, говорили многие, но присудили-то вы одни и, право же, это мне очень приятно: для писателя имеет значение прежде всего мнение читателей, читающих добровольно, а не потому, что требуется «оценить». Спасибо вам за вашу искреннюю привязанность к книге, привязанность, которая в Нурке ничуть не увядает.

Таких мест на Земном шаре не так уж и много.

Конечно, вы читаете «Дружбу народов», я тоже читаю этот журнал уже многие годы и думаю, что и у вас, и у меня очень неплохой вкус.

Желаю вам здоровья и бодрости — бодрости читательской прежде всего!

Ваш

Сергей Залыгин.

30.12.87 г.»,

Сергей Баруздин рассказал о планах журнала на 1988 год, ответил на вопросы.

Решением жюри «Рабочая премия» 1987 года присуждена роману Анатолия Рыбакова «Дети Арбата», опубликованному в №№ 4—6 «Дружбы народов».

О НАШИХ АВТОРАХ

ЮОЗАС ПОЖЕРА

Родился в 1927 году в городе Каунасе Литовской ССР. Работал на заводах в Пензенской и Горьковской областях, в республиканской периодической печати. Печатается с 1949 года. Автор книг очерков «Моя единственная забота» [1967], «Северные эскизы» [1969], «Прощание с Севером» [1972], «Северные путешествия» [1974], романов «Мой суд» [1968], «Братья Шалны» [1978], повестей «Золото» [1971], «Мне чудятся кони» [1974] и других. Лауреат Республиканской премии Литовской ССР и лауреат премии союза журналистов Литвы имени В. Мицкявичюса-Капсукаса. Живет в Вильнюсе.

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА

Родилась в Москве. Окончила Литературный институт имени М. Горького. Начала публиковаться с 1972 года. Автор поэтических книг «Сад чудес» [1980], «На корабле зимы» [1986]. Живет в Москве.

ОЛЕГ ХЛЕБНИКОВ

Родился в 1956 году в Ижевске. Окончил Ижевский механический институт. Начал печататься в 1970 году. Автор поэтических книг: «Апрель» [1975], «Наедине с людьми» [1977], «Город» [1981], «Письма прохожим» [1982], «Местное время» [1986] и других. Живет в Москве.

ВИКТОР ДАШУК

Родился в 1938 году в городе Хойники Гомельской области БССР. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Начал публиковаться в 1960 году. Автор и соавтор сценариев: «Женщина из убитой деревни», «У войны не женское лицо», «Прощание», «Девяносто шестая осень», «Василь Быков. Восхождение» и других. Снял как режиссер более 60 документальных картин. Лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола БССР. Живет в Минске.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

ЮОЗАС ПОЖЕРА	Рыбы не знают своих детей. Роман. С литовского. Перевод Д. Кыйв	3
ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА	Жизнью аукнется — кровью откликнется слово!	53
ВАРДГЕС ПЕТРОСЯН	Пустые стулья на дне рождения. Роман. Окончание. С армянского. Перевод А. Тер-Акопян	58
ОЛЕГ ХЛЕБНИКОВ	Есть на свете то, что я люблю... Стихи	85
ЭДУАРД АСАДОВ	Разведчица Саша. Рассказ	88

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

МИХАИЛ СЕМЕНКО	Стихотворения. С украинского. Перевод и вступительная заметка И. Лапинского	81
АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ	Чевенгур. Роман. Подготовка текста и публикация М. А. Платоновой	96
	«...Писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации» М. М. Зощенко: письма, выступление, документы 1943—1958 годов. Публикация и комментарии Ю. Томашевского	168

КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ

ВИКТОР ДАШУК	Двое на острове слез	150
--------------	-----------------------------	-----

ГЛОБУС «ДН»

СЕРГЕЙ БАРУЗДИН	Ответ Ю. И. К.	164
ЕВГЕНИЙ БУДИНАС	Уходящий объект. Окончание	193

ПУБЛИЦИСТИКА

	Письмо «исторического оптимиста»	231
--	---	-----

КРИТИКА

СИРЬЕ КИЙН	Лишенные иллюзий, но не идеалов. С эстонского. Перевод. М. Тервонен	240
НАТАЛЬЯ ИВАНОВА	Судьба и роль	244

БИБЛИОГРАФИЯ

СЕРГЕЙ АВЕРИНЦЕВ	Михаил Бахтин: ретроспектива и перспектива	256
МИКОЛА РЯБЧУК	Проясняющиеся причины очевидных следствий	259
А. НЕМЗЕР	Поэт и конфидент	263
З. ОСМАНОВА	Поверх языковых барьеров	266

ДНЕВНИК «ДН»

**Государственная премия имени Рудаки
создателям Нурекской библиотеки.
Встречи в Нуреке и Рогуне** **268**

О НАШИХ АВТОРАХ **270**

К НАШЕЙ ВКЛЕЙКЕ

**Галерея и ее ореол.
Из музеев Армении** **190**

НА ОБЛОЖКЕ:

на второй
и третьей страницах —

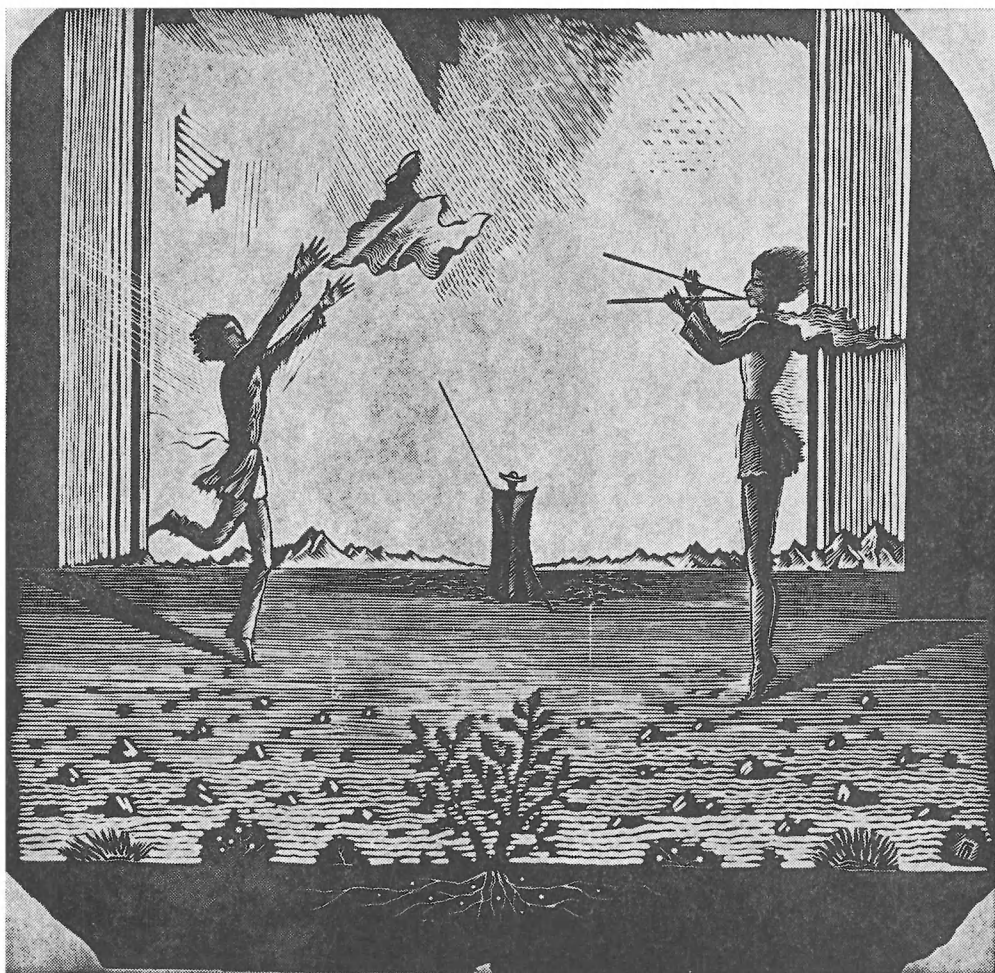
Г. ПАШТОВ.
Фантазии на кабардинские темы.
Ксилографии.

ГЕРМАН ПАШТОВ

Заслуженный художник Кабардино-Балкарской АССР Герман Паштов родился в 1941 году в селе Куба Зольского района.

Окончил Украинский полиграфический институт. Занимается живописью, графикой. Наибольшую известность принесли ему работы в области книжной графики — иллюстрации к кавказским поэмам М. Лермонтова, «Лирике» К. Кулиева и книгам стихов ряда современных авторов Северного Кавказа. Для творческой манеры Г. Паштова характерны четкая обобщенность образов, сочетание в их рисунке современной пластической изощренности и строгости с легким национальным акцентом, органично связанным с фольклорными истоками.

Г. Паштов — участник всесоюзных и международных выставок.



Фантазия на кабардинские темы. Ксилография.

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов



Цена 1 руб. 10 коп.

7-7098

Индекс 70250

**Дружба
народов**

3'88

42

2
13-X

Дружба народов

ежемесячный
литературно-
художественный
и общественно-
политический
журнал



орган
Союза
писателей
СССР

802-88

1356-8 (N3)